

Юйчи Лань никогда не жаловал женское общество — в молодости он отличался буйным нравом и больше всего любил скакать на лошади да драться. Не достигнув и двадцати лет, он унаследовал пост главы клана Юйчи и с тех пор круглый год участвовал в походах и битвах.

Когда он погиб, ему едва исполнилось двадцать восемь. На его месте любой другой давным-давно завел бы жен и наложниц, но он оставался совершенно одинок.

Однако Цзун Цзинь был другим. Цзун Цзинь с юных лет был обучен распутному и разнузданному поведению мальчишки-телохранителя для утех.

Это тело удивительно откровенно отзывалось на желания: поддавшись порыву, оно само запрокинулось назад, позволяя заклятому врагу оставлять следы на его шее, кадыке и ключицах. Проявив крайнюю дерзость, он закинул руку на плечо Хэлянь Хэна, тут же зацепил прядь его волос и, играя с ней и перебирая пальцами, сбивчиво произнес:

— А волосы-то у тебя мягкие.

Хэлянь Хэн на мгновение замер, а затем его глаза зажглись еще большим интересом:

— Какая у тебя наглость.

Он воспользовался моментом и повалил тощее тело Цзун Цзиня на постель. Его черные, как тушь, длинные волосы рассыпались вокруг подобно занавесу, отрезая их от всего остального мира и замыкая в этом крошечном пространстве, где они смотрели друг на друга.

— Конечно, я наглый. А у тебя кишка не тонка? — Цзун Цзинь широко ухмыльнулся. Из-за опьянения его взгляд казался ленивым, а в полуприкрытых глазах мерцал какой-то призрачный свет. — Хочешь, я одолжу тебе парочку?

Не успел он договорить, как его длинные, но худые ноги согнулись и бесстыдно потерлись о бедра Хэлянь Хэна.

В этот момент ему казалось, что он все еще тот самый Юйчи Лань, который скрещивал мечи с Хэлянь Хэном посреди поля боя, только вот вся его кипучая кровь почему-то хлынула совсем не в ту сторону — донельзя не в ту.

— Или ты испугался... Мх-м...

Хэлянь Хэн больше не дал ему возможности дерзить: он склонился и накрыл его губы страстным, свирепым поцелуем.

На следующий день.

Когда Цзун Цзинь открыл глаза, солнце уже стояло высоко. Вокруг все было незнакомым, но открывался прекрасный вид на чистые и светлые окна.

Впрочем, это волновало его меньше всего. Куда важнее было то, как сильно у него все болело — тело ныло и ломило так, будто по нему раз двадцать проехала телега.

Особенно нижняя половина.

Он кое-как приподнялся, морщась от боли и сопя, и лишь спустя долгое время рискнул опустить ноги на пол.

Он помнил лишь, как вчера выпил добрую половину чана вина под вечнозеленым деревом, а потом долил туда полчана воды и отнес в спальню Хэлянь Хэна... Дальнейшие воспоминания бесследно испарились, безо всяких на то оснований перебросив его напрямик в настоящее.

Единственное, в чем Цзун Цзинь был уверен, так это в том, что паленую бормотуху он все-таки доставил.

В памяти еще оставался образ мужчины с распущенными длинными волосами, который сидел на подоконнике и пил вино.

Терзаемый сомнениями и странной болью во всем теле, Цзун Цзинь медленно поплелся к двери. Пытаясь вспомнить, что же именно произошло прошлой ночью, он рассеянно толкнул створку:

— ...?!

Снаружи стояла почтительно склонившаяся служанка. Увидев, что он открыл дверь, она холодно произнесла:

— Горячая вода уже готова, господин велел мне помочь вам искупаться и переодеться.

— ...

Цзун Цзинь хотел было спросить, что это за фокусы, но стоило ему приоткрыть рот, как из груди вырвался лишь стон боли, и на большее сил не осталось.

Служанка сохраняла беспристрастное выражение лица:

— Прошу за мной.

Сегодня в поместье Хэлянь стояла необычная тишина — не было слышно ни криков упражняющихся солдат. Цзун Цзинь опустился в деревянную бадью, и через некоторое время резкая боль в теле немного утихла в горячей воде. Служанка встала у него за спиной, развязала бинты на его лбу, бережно расчесала волосы и принялась раз за разом омыwać его. Все это время царила абсолютная тишина. Цзун Цзинь смотрел на небольшое высоко расположенное оконце купальни и, чувствуя головную боль от вчерашнего похмелья, все еще пребывал в некотором оцепенении.

Раньше, если только они не находились в военном походе, его тоже обслуживали рабы с низким социальным статусом.

Поэтому ощущение чужой заботы не было для него вновь — наоборот, казалось до боли знакомым, и на мгновение ему даже показалось, что он все еще тот самый прославленный великий полководец.

Пока он, закончив купание, задумчиво шел в жилую комнату, облачаясь в белые нижние одежды.

У стены стояло бронзовое зеркало выше человеческого роста. Цзун Цзинь машинально бросил на него взгляд — и тут же замер от изумления. Что это за следы у него на шее? А это что на груди?

Целая гирлянда отметин тянулась от самой шеи до грудной клетки. Он опустил глаза на собственную тощую грудь — яркие красные пятна жгли глаза, словно напоминая о чем-то.

Умный от природы, он мгновенно все понял: прошлой ночью он, судя по всему, стал жертвой грязных лап Хэлянь Хэна... Иначе с чего бы у него так болел зад?

Верно, Хэлянь Хэн — настоящее отродье пса: мало того что изнасиловал его, так еще и искусал всего с ног до головы.

— Чудовищный позор! Абсолютный, несмываемый позор!

— За все свои двадцать восемь лет он еще никогда не терпел подобного унижения!

Однако гнев улетучился спустя пару мгновений. Снова взглянув на бронзовое зеркало, он невольно уставился на отразившееся в нем лицо. Он поднял руку — и человек в зеркале поднял руку; он потрогал себя за щеку — и человек в зеркале в точности повторил его движение; он нахмурился — и незнакомое миловидное лицо тоже нахмурилось.

— Вот чистая одежда, которую приготовили для вас, — произнесла подошедшая со свертком

темно-синих одежд служанка. — Хозяин велел: после того как вы искупаетесь и переоденетесь...

Цзун Цзинь отбросил лишние мысли и с размаху, по-молодецки, встряхнул одежду — разве не в такое рядилась прислуга на заднем дворе?

— ...отправляйтесь работать на задний двор, — безжалостно договорила служанка.

— Хэлянь Хэн вообще человек?! — не выдержал Цзун Цзинь. — Он же... он же... он же сотворил со мной такое, и после этого заставляет меня пахать как слугу?! Да я сам до такого бы не додумался!

Служанка слегка недоуменно наклонила голову:

— Что именно сотворил?

— Да то... то есть... — Цзун Цзинь стиснул зубы и выдавил из себя заветные слова: — Он же меня изнасиловал... Нет, даже если он считает это пустяком, зачем тогда было городить весь этот фарс с твоим сопровождением в купальню?

— Позвольте заметить, — произнесла служанка, — провести с хозяином ночь любви — в этом нет ничего из ряда вон выходящего. К тому же, обладая низким статусом, в любом доме вы сможете быть лишь слугой.

Низкий статус... Точно, он чуть было не забыл: Цзун Цзинь — презренный бесправный раб.

Эти два слова обрушились на него тяжелым камнем, сокрушительный удар пришелся прямо по голове. В государстве Чэньян людей испокон веков делили на девять категорий: на вершине стоял императорский род, за ним следовали кланы с двойными фамилиями, далее — простолюдины с одинарными фамилиями, а низшее сословие составляли рабы и слуги. У людей из низов не было даже фамилий, им возбранялось заниматься науками, земледелием, ремеслом и торговлей — они годились лишь на самую грязную работу, будь то продажа собственного тела или прислуживание знатым родам.

И хотя сейчас от императорского дома в городе Тяньду осталась лишь пустая оболочка, а кланы продолжали бесконечные междоусобные войны, рабы оставались рабами.

Но служанке, казалось, этого удара показалось мало, и она добила его контрольным:

— Не говоря уже о том, что для выходца из мальчишек для утех само разрешение хозяина искупаться — уже величайшая милость.

Цзун Цзинь мгновенно онемел, не находя слов для возражения. Скрепя сердце и стиснув зубы,

он натянул одежду слуги и завязал волосы в узел. В этот момент в его душе поднялась волна ярости, а следом родился и злодейский умысел. Выйдя со служанкой из купальни, он дал себе твердое обещание:

Он убьет Хэлянь Хэна... Нет, убивать сразу нельзя.

Сначала он сам возьмет его силой, а уж потом прикончит.

Служанка вновь провела потемневшего от злости и скрежещущего зубами Цзун Цзиня на задний двор. Поместье Хэлянь было небольшим, прислуга целыми днями крутилась по хозяйству, и единственным их развлечением оставались сплетни: стоило случиться малейшему пустяку, как о нем мгновенно узнавали все вокруг.

Когда новенький, который еще вчера посмел забраться на постель самого господина, появился здесь в одеждах простого слуги, несколько человек тут же принялись вовсю ухмыляться за его спиной. До появления Цзун Цзиня они были свято уверены, что этот мальчишка продолжит заниматься своим привычным ремеслом и теперь будет привязан исключительно к хозяйской постели; кто же мог подумать, что его так быстро вытолкают обратно на задний двор горбатиться.

Цзун Цзинь бросил яростный взгляд на злорадствующих парней — глаза его вылезли из орбит, казалось, он готов разорвать их зубами. Служанка подошла к колодцу и взглядом прогнала присевших рядом прачек, после чего повернулась к Цзун Цзиню:

— Прошу.

Вчера он мыл здесь бараньи ребра, а сегодня снова должен стирать белье?

Да это же чистой воды провокация!

Цзун Цзинь тяжело выдохнул, чувствуя, что его терпению пришел конец. Он резко взмахнул рукой, отвернулся и бросил:

— Кто хочет, тот пусть и стирает! Даже если Хэлянь Хэн убьет меня, я палец о палец не ударю ради него!

Голос его не отличался громкостью, но в нем сквозило столько спеси, что стоило ему замолчать, как все суетившиеся вокруг слуги вмиг замерли на месте, уставившись на него в упор.

Но Цзун Цзиню было абсолютно плевать. В его миниатюрной фигуре таилась гигантская доля наглости, и он, задрав подбородок, вызывающе уставился в небо над двором.

— Первая заповедь поместья Хэлянь гласит: запрещено произносить имя господина вслух, — холодно отчеканила стоявшая рядом служанка. — Вторая: запрещено пререкаться со старшими управляющими. Доведу до твоего сведения: я — главный управляющий поместья Хэлянь, Хэлянь У Сян.

Хэлянь?! Эта девка носит фамилию Хэлянь?!

Взгляд Цзун Цзиня молниеносно метнулся к ней, заново оценивая ее облик. И впрямь — черты лица довольно миловидные, руки холеные и нежные, совсем не похожи на руки человека, выполняющего тяжелую работу... Не успел он толком ее разглядеть, как Хэлянь У Сян махнула рукой, и в тот же миг несколько дюжих слуг бросились вперед, с размаху ударив его под колени.

— !

Ноги у него подогнулись, колени рухнули на землю; двое крепких слуг мгновенно заломили ему руки за спину, заставляя стоять на коленях перед Хэлянь У Сян.

— Да что ж этот проклятый мальчишка такой хлюпик?! В былые времена не то что двое, десяток противников разом не смогли бы его скрутить.

Но времена изменились.

— Связать. Не развязывать двенадцать часов, оставить без еды, — мрачно бросила Хэлянь У Сян и, резко развернувшись, быстрой походкой покинула двор.

— Пустите меня... Пустите! — Цзун Цзинь заворочался, пытаясь вырваться, но все было напрасно.

Слишком неравными были силы: здоровяки поднимали его так легко, будто он был цыпленком, и действовали сноровисто, словно проделывали это не впервые. Выбрав толстое дерево в проходе между задним и передним дворами, они принялись наматывать пеньковую веревку — оборот за оборотом, намертво привязывая Цзун Цзиня к стволу. Цзун Цзинь отчаянно лягался, изрыгая проклятия и извиваясь; громы лишь посмеивались над его несговорчивостью, глаза на него как на балаганное представление, после чего удалились.

Каким бы железным характером и упрямством ни обладал Цзун Цзинь, в нынешнем положении он был абсолютно беспомощен.

Он покричал еще какое-то время, но к нему больше никто не подошел. Его лоб был разбит еще со вчерашнего дня, ночью его изнасиловал Хэлянь Хэн, а когда небо заволокло тучами и начал собираться дождь, он уже был полубессознательном состоянии и у него не осталось сил даже на то, чтобы брыкаться.

И тут как назло хлынул ливневый дождь.

Положение его было хуже некуда.

Мало того что его предал и зарезал в спину тот, кому он всецело доверял, так он еще и возродился в теле слабого мальчишки-раба, подвергся насилию со стороны заклятого врага, а теперь вынужден прислуживать ему в качестве слуги... И вдобавок ко всему его привязали к столбу, заморив голодом, да еще и угораздило попасть под этот ливень.

Стоял конец осени. Цзун Цзинь промок до нитки, пряди волос прилипли к лицу, вызывая зуд, но у него не было свободной руки, чтобы их отбросить. Казалось, он вот-вот потеряет сознание, то и дело судорожно мотая головой, чтобы хоть как-то удержаться в реальности. Однако в руке он сжимал маленький камешек.

Камешек этот был с довольно острым краем — он долго шарил вокруг, пока не нашел его.

Цзун Цзинь зажал его двумя пальцами и, выгибая и поворачивая запястье, принялся взад-вперед пилить толстую пеньковую веревку. От страшного холода его губы побелели и мелко дрожали, зубы стучали, а пальцы почти не слушались, и за целый час ему так и не удалось перерезать путы.

Будь оно все проклято, как вообще рос этот Цзун Цзинь, раз не может вынести и капли подобных лишений?

Он опустил голову, и в глазах начало мутиться.

Вдалеке послышался глухой плеск воды — частый и мелкий, словно к нему приближалась целая толпа. Но у Цзун Цзиня не было сил даже поднять голову: все его оставшиеся душевные силы уходили лишь на то, чтобы не отключиться окончательно и продолжать пилить веревку. Он только слышал, как шаги становятся все ближе, гадая, кого же это нелегкая принесла на эту дорожку.

Пока в поле его зрения не ворвались носки сапог с серебряной окантовкой. Собрав последние силы, он медленно приподнял голову и сперва увидел черные одежды и нефритовые подвески. Переведя взгляд выше, он обнаружил, что лицо подошедшего скрыто в тени бумажного зонта.

Это был Хэлянь Хэн.

Позади него следовали еще несколько человек — мужчины и женщины. Заметив, что он остановился, они тоже замерли, всей гурьпой столпившись перед Цзун Цзинем, словно явились вершить суд.

Кто-то отпустил шуточку:

— ...Это тот самый... про которого вчера все говорили?

Хэлянь Хэн бросил на говорившего косой взгляд, и тот мгновенно захлопнул рот. Тут же раздался до боли знакомый голос Хэлянь У Сян:

— Докладываю господину: он нарушил правила и отбывает наказание.

— Какие правила?

— Нарушил...

— ...Хэлянь Хэн... — едва слышно выдохнул он это имя, перерывая доклад служанки.

Поэтому та послушно закончила мысль за него:

— Именно эти правила.

— У Сян наверняка уже объясняла тебе, что произносить мое имя вслух — тяжкое преступление, — холодно произнес Хэлянь Хэн.

— А как тебя звать, Сяо Хэн? Хэн-эр? — с издевательской хрипотцой пробормотал Цзун Цзинь.
— А-Хэн?

Собеседник промолчал. Цзун Цзинь усмехнулся сам себе и, выжимая из себя последние крупинцы жизни, своевольно заявил:

— А-Хэн звучит неплохо, пусть будет А-Хэн... Подойди-ка поближе, присядь на корточки, мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

<http://bllate.org/book/22011/2288230>